

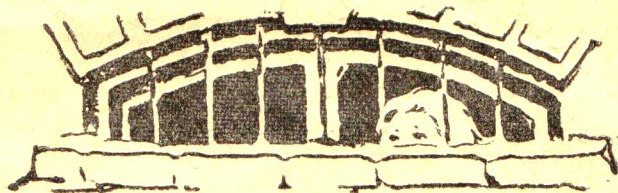
Муса Джалиль

ДЖИМ

С (Там.)
240

Муса Джалиль

Д Ж И М

п о ъ м а

Оренбургская областная
БИБЛИОТЕКА им. Н. И. Крупина

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Казань 1960

327751

1
Сестрѣнке моей минул пятый годок,
А там уже скоро шестой недалѣк.

День завтрашний праздничен,
Светел и ярок.
Какой же купить мне сестрѣнке подарок?
Цветы я принѣс бы и ей преподнѣс—
Сама она лучше и лилий и роз.
Купил бы ей куклу в одежде парадной—
Сама она с куколкой схожа нарядной.

Что к счастью прибавлю сестрѣнки моей?
То счастье бескрайно, как воды морей.

Для наших детей это вовсе не диво,
Что жизнь их свободно течѣт и счастливо.
И диво ль, что детям легко так расти:
Рождаются, счастье сжимая в горсти.

И ты без меня это знаешь, сестрёнка,—
Твердишь это громко, поёшь это звонко.

Дитя!
Злая доля тебя миновала,
Ты слёз нищеты никогда не знавала,
Твой смех серебристый, твой гомон любя,
Совсем не хочу огорчить я тебя,
Но был сочинил я о девочке дальней,
Прими же в подарок рассказ мой печальный.

2

Жила-была девочка в дальнем краю.
О ней эту грустную песню пою.

Не старше тебя, и такого же роста,
Глаза так же смотрят прозрачно и просто.

Смеющийся взор так же синь и лучист,
И так же её голосок серебрист.

Как ты, она любит и песню, и пляску,
И вкусные сласти,
И тёплую ласку.

Она, как и ты, родилась, чтобы жить
Привольно,
С весельем и счастьем дружить
И видеть подлунного мира красу
И вешнего, светлого полдня росу.

Но там родилась она, там...
Это значит,
Что солнца не видела—
Мрак его прячет;

Что детство—в предместье,
Что с детства—забота...
В подвале живёт, а зовут её Лотта.

3

Тёмен подвал
И сырой до отказу,
Не было в нём ещё солнца ни разу.
Туча, загнавшая солнце во мглу,—
Шупо громадный стоит на углу.
Двигается толстый, угрюмый медведь.
Усики чёрные,
Пуговиц медь,
Форменной куртки
Утюжная складка —
Это шагает «блюстителъ порядка».
Лотта взберётся к окошку, бывало,
Долго глядит на него из подвала.

Многоэтажны в Берлине дома.
Свет наверху,
А внизу полутьма.
Пиршество правят вверху богачи.
К ним полицейский
Шлёт взоры-лучи.
А из подвала не видно ни зги!
Сажей нависли его сапоги.

Матери Лотта своей не знавала,—
Верно, захла во мраке подвала.
Рано уходит отец на завод,—
Вечером поздно с работы придёт.
Лотта—одна средь сырого жилища.
Кофе, сухарь — вот и вся её пища.

8

Игр и товарок не знает она,
Так и сидит и скучает одна...

Пиршество правят вверху богачи.
К ним полицейский
Шлёт взоры-лучи.
А из подвала не видно ни зги:
Сажей нависли его сапоги.

4

И вот ей исполнился пятый годок,
В январских снегах замирает гудок.

Сегодня отец не пойдёт на работу,
В торжественный день
Он обрадует Лотту.
Он сварит ей суп—
Замечательный суп!
А суп, если вкусен,
Кому он не люб?

Друзья вечерком собирались в подвале
И Лотту с её торжеством поздравляли.

Пусть непритязательны были подарки,
Зато поздравленья
Сердечны и жарки.
Все празднику Лотты
Так искренне рады!—
Пусть грубы их руки,
Но мягки их взгляды.

От счастья такого
У Лотты впервые
Забегали глазки, такие живые.

И кажется:
Солнце теперь засияло
Невзрачным, заброшенным окнам подвала.
Один из гостей подарил ей,
Сестрёнка,
Смешного резинового негритёнка.

Такой он курчавый!
Такой белозубый!
Он так уморительно выпятил губы!
И вот уже Лотта беседует с ним:
— Я дам тебе имя хорошее—
Джим.
Мы будем дружить с тобой,
Милая крошка,
И вместе на шупо смотреть из окошка.

Не надо печалиться,
Чёрный мой друг,
Что холод у нас
И что сыро вокруг,
Что небо мутится тяжёлым дождём,—
Ещё мы до вешней поры доживём.

Но чем же кормить тебя,
Милая детка?
Ведь хлеба так мало,
А мясо так редко...—
И Лотта замолкла
И к Джиму прижалась.
В глазах её горе,
В глазах её жалость.

Но снова, счастливая, с другом своим
Беседу ведёт:
— Не печалься, мой Джим.

Теперь у нас будут весёлые дни.
С тобою хозяйничать станем одни.
Смотреть из окошка на шупо начнём,
Он круглый, как бочка,
И толстый, как дом.
Мне папа сказал
(А мой папа не врёт),
Откуда у шупо большущий живот:
Весь хлеб, полагающийся бедноте,
Хранит он в огромном своём животе...

Так льётся по-детски бессвязная речь...
Она обещает игрушку беречь.

А гости,
При маленьком свете огарка,
О чём-то беседуют
Долго и жарко.
О чём-то советуются впотьмах
И что-то записывают на листках.
Но слушают лепет ребёнка невольно,
И сердцу невольно
Становится больно.
И думает каждый:
«Когда не за нас,
За наших детей буду биться сейчас.
И если в неравном погибну бою,
То смерть—за детей,
За надежду мою».

Вдруг — свист,
Это знак, что опасность близка.
И гости бегут, не забыв ни листка.
И Лотту целует отец.
— Ты куда?
— Прощай, дорогая!

— Вернёшься?
— Да, да...
Я только гостей провожу, и опять
Мы будем втроём с негритёнком играть...

Он вышел.
А Лотта—к окошку.
Ни зги!
Но близко тяжёлые чьи-то шаги.
Вдруг выстрел в ночную врезается мглу.
И Лотта—в испуге
Лежит на полу...

Чудится ей:
Входит толстый медведь,
Усики чёрные,
Пуговиц медь.

Усики чёрные стали расти,
Чёрными змеями стали ползти.
По полу чёрные змеи ползут,
Милого Джима, как мыши, грызут...

Так пролежала всю ночь на полу.
Алая зорька рассеяла мглу.
Где же отец её?
Схвачен во тьме,
Вместе с друзьями томится в тюрьме.

*

Только что зори костёр свой разводят,
Двое в костюмах коричневых входят;
Двое фашистские носят значки,
Двое пустые вонзают зрачки.

Лотта боится невиданных пугал,
Джима схватила и спряталась в угол.

Начался обыск.
Устали, вспотели,
В ящики лазили,
Рылись в постели,
В мусорной даже копались пыли,
А подходящих улик не нашли.

Плюнул один из них, прокляв работу
Нудную...
И замечает он Лотту.
— Глянь-ка! —
Вовсю заорал штурмовик, —
Вот и одна из ужасных улик!
Глянь-ка:
Противная эта девчонка
К сердцу прижала —
Кого? —
Негритёнка!

Не разрешается детям арийца
С чёрною куклой играть и возиться!
Ибо —
Так фюрер твердил нам не раз —
Это приводит к смешению рас!
Нам ли терпеть преступленье?
Доколе?
Куклу — забрать,
Описать в протоколе!

Лотта была недвижима сначала,
Вдруг зарыдала она, закричала:
— Джима не вам подарили!
Он — мой!

Как вам не стыдно!
Вот папа домой
Скоро вернётся, — он всех вас сильнее!
Гадкие люди,
Ступайте скорее! —
Лотта кричала
(И страшен был крик):
— Джима не дам я! —
Тогда штурмовик,
Чей омерзителен злобный смешок,
Вырвал игрушку и бросил в мешок.

*

Ушли.
Лотта снова томится в подвале,
Отец не приходит,
А Джима забрали.
По-прежнему Лотта без друга одна,
Тоскуя и плача,
Сидит у окна.

И смотрят в окно запоздалые зорьки...
А печь — не топили,
А хлеба — ни корки.
От холода губы её побелели,
От голода щёки её пожелтели,
И горькая льётся слеза за слезой,
И дума сменяется думой другой.

«Папа, приди же с завода скорей.
Печь разожги и дочурку согрей.

Голод и холод стоят за дверьми, —
Их прогони и меня накорми.

Гадкие люди ворвались в наш дом,
Комнату всю перерыли вверх дном.

Рылись везде, ничего не нашли,
Чёрного Джима с собой унесли.

Кинули Джима в глубокий мешок,
Чтобы дышать уже больше не мог.

Чёрного Джима, наверно, погубят,
Чёрную голову Джиму отрубят.

С кем же весною гулять я пойду,
С кем же я буду резвиться в саду?»

*

38775/

Сыро в подвале,
В подвале темно.
Лотта глядит, недвижима, в окно.
Высится толстый, угрюмый медведь.
Усики чёрные,
Пуговиц медь.
Пиршество правят вверху богачи.
К ним полицейский
Шлёт взоры-лучи.
А из подвала не видно ни зги:
Сажей нависли его сапоги.

*

Горит уже пламя ночных фонарей.
Пришёл бы, пришёл бы отец поскорей!
Несчастливая Лотта!

Быть может, отец
Отведал предательской пули свинец?
Иль, может быть, звери пытаются его,
Пока не закончилось их торжество?

Без матери Лотта.
Отца же забрали.
Быть может, зачахнет в ужасном подвале.
А может быть —
Это бывает нередко —
Работница-мать
К ней заглянет, соседка,
И жалость возьмёт её,
Даст она ей
Голодную пищу голодных детей...

5

Я кончил о Лотте и о негритёнке
Рассказ и в глаза поглядел я сестрёнке.
Я вижу: глубокие эти глаза
Узнали, что значит печали слеза.
Я вижу задумчивость в них и заботу.
Как жалко ей Джима! Как жалко ей Лотту!
Как хочется штурмовикам отомстить!
И я продолжаю стихов моих нить.

У Лотты отец
Духом твёрд и отважен,
И пусть он теперь за решётку посажен,
Тюремщиков в трепет приводит своих:
За ним — они знают — миллионы других,
Таких же отважных, таких же простых, —
Тюремщиков скоро прогонят своих.

Подобные грозам,
Подобные бурям,
Большие засовы сорвут они с тюрем,
И пленники —
Мученики палачей —
Узнают сиянье рассветных лучей.
И солнце, горя полнокровно и ало,
Засветит заброшенным окнам подвала...

